

А. С. Альшевская

НАИМЕНОВАНИЕ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АНТРОПОМОРФНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Белорусский государственный университет, г. Минск;

77schevskaya@mail.ru;

науч. рук. – Т. И. Шамякина, д-р филол. наук, проф.

В статье рассматривается наименование как один из способов репрезентации антропоморфных персонажей. Наименование в данном случае выполняет две основные функции: содействует антропоморфизации (очеловечиванию) персонажей-нелюдей; указывает на нечеловеческую природу подобного персонажа. По этой причине наименование рассматривается нами как средство антропоморфизации и как маркер персонажа-нечеловека. В качестве средств антропоморфизации в первую очередь используются антропонимы, а для маркирования нечеловеческой природы персонажа – мифонимы и зоонимы. Обе функции являются противоположно направленными, но одинаково необходимыми при создании антропоморфных персонажей.

Ключевые слова: антропоморфные персонажи; наименование как средство антропоморфизации; наименование как маркер персонажа-нечеловека; антропонимы; зоонимы; мифонимы; онимизация.

«**П**риродный объект „очеловечивается“, когда его наделяют признаками, необходимыми в данной культуре, чтобы отнести его к категории „человекоподобных“» [1, с. 233]. Существуют различные поэтические приемы и способы создания антропоморфных образов-персонажей в фольклоре и литературе. В данной статье мы рассмотрим один из них, а именно: наименование как форму репрезентации подобных персонажей. Наименование – это то же, что «название» [2, с. 89]. Название (имя, наименование) – «словесное обозначение вещи, явления (общего и индивидуального)» [2, с. 88].

На основании проведенного анализа наименований различных антропоморфных персонажей в фольклорных и литературных текстах нами было выявлено, что наименование как форма репрезентации в данном случае выполняет две основные функции: 1) содействует антропоморфизации (очеловечиванию) персонажей-нелюдей; 2) указывает на нечеловеческую природу подобного персонажа. Следовательно, мы будем рассматривать наименование 1) как средство антропоморфизации и 2) как маркер персонажа-нечеловека.

1. Наименование как средство антропоморфизации (очеловечивания). Антропоморфизация при помощи наименования – это «называние любым антропонимом не людей, а животных, предметов, явлений и т. п.» [2,

с. 30]. Антропоним (антропоморфное имя) – «любое собственное имя человека, перенесенное на животное, предмет, явление и т. п. и ставшее его собственным именем» [2, с. 30].

По структуре антропонимы, в отличие от зоонимов (кличек животных), чаще всего трехкомпонентны: могут состоять из имен, отчеств и фамилий. Так, антропоморфный персонаж может иметь только имя (петушок Петя, крокодил Гена), имя и отчество (Котофей Иванович), имя и/или фамилию (Людвиг Ларсон, кот Матроскин) и т. п. вариации.

В качестве часто встречающегося типа антропонима, содействующего антропоморфизации персонажа, можно назвать такую модель антропонима, как «имя + характеристика носителя»: может быть указание на пол и косвенно на возраст носителя имени, его социальный статус, род занятий и особенности деятельности, родственные отношения и др. характеристики. Так, в народной русской сказке «Грибы» белянки называют себя «грибовыми дворянками» [3, с. 132], рыжики – «богатыми мужиками» [3, с. 132], а волнушки – «господскими стряпушками» [3, с. 132]. В сказке итальянского писателя Дж. Родари «Приключения Чиполлино» богатые (дворяне) имеют титулы (Вишни – графини, Апельсин – барон), а у бедного сословия содержится указание на род деятельности (Виноградинка – мастер сапожных дел, Груша – учитель музыки) либо родственные отношения (кум Тыква). А в первой части имени такого сверхъестественного существа, как «Баба-яга» есть указание на женский пол и преклонный возраст.

В литературных произведениях зооморфные (Волк, Серенький Козлик) и фитоморфные (синьор Помидор) наименования антропоморфных персонажей часто пишутся как имена собственные, с большой буквы, то есть наблюдается процесс их онимизации – «переход имени нарицательного в имя собственное» [2, с. 95]. В результате этого подобные наименования могут восприниматься уже не как названия животных либо растений, а, например, как их фамилии.

Вместо антропоморфных имен собственных могут применяться в отношении антропоморфных персонажей такие нарицательные существительные, как «девочка», «мальчик», «люди», что содействует их антропоморфизации. Так, в сказке А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» автор чаще называет главных героев-кукол мальчиками и девочками, человечками и только в редких случаях напоминает, что это куклы. Например, говоря о Мальвине, он пишет: «в окошко высунулась кудрявая хорошенькая девочка» [4, с. 26].

2. Наименование как маркер персонажа-нечеловека. Помимо антропоморфизации, наименование выполняет еще одну не менее важную функцию: оно является маркером нечеловеческой природы персонажа. Так, прежде чем говорить о самом факте антропоморфизации персонажа, должны быть четкие основания утверждать, что он не является человеком. Особенно данный вопрос актуален в тех случаях, когда персонаж обладает антропоморфным (человеческим) обликом либо является антропоморфным по своей сути, причем при полном отсутствии портретных характеристик.

В качестве маркера персонажа-нечеловека в первую очередь выступают мифонимы. «Мифологическое имя (собств.) (мифоним) – имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках» [2, с. 124]. Например, имена богов (теонимия) и наименования различных духов (демононимия).

Двухкомпонентное наименование может одновременно антропоморфизировать персонаж и указывать на то, что он не является человеком. Второй компонент может быть зоонимом (Рейнеке-лис) либо мифонимом (хоббит Бильбо). Так, в сказке Р. Кудашевой «Беда петушка», кроме зооморфных названий-имен (Петушок, Гусь), ничего не напоминает о том, что это сказка о животных. Подобные сказки, если опустить тот факт, что в них действуют звери (на это указывает их зооморфное наименование), можно воспринимать как рассказы о людях.

Отметим, что функцию маркирования персонажа-нечеловека может выполнять имя собственное (Кощей Бессмертный, Морозко) либо имя нарицательное («волк», «заяц», «гном», «эльф» и т. п.).

Как мы уже говорили, в том случае, если персонажи обладают антропоморфной (человеческой) внешностью, именно их наименование в первую очередь является маркером их истинной сути. Так, в сказке С. Маршака «Двенадцать месяцев» месяцы года предстают перед главной героиней и читателями в образе мужчин разного возраста: зимние месяцы – самые пожилые, а весенние – самые молодые. В сказке И. Шурко «Секундочка» секундошки, минутки, час, месяц, год, век, эра, день, ночь также предстают в образе людей. Так, если Пятый час еще мальчик, то Век предстает седовласым старцем, а Эра – старухой.

В пьесе Е. Шварца «Дракон» главный герой Ланцелот при первой встрече с Драконом понимает, кто перед ним, только после того, как тот называет ему свое имя. В пьесе Е. Шварца «Обыкновенное чудо» только имя «Медведь»

и предыстория превращения главного героя не позволяют воспринимать его как персонаж-человека.

В белорусской литературе ярким примером антропоморфных образов-представлений являются антропоморфные репрезентации образа Беларуси: Плачка в прозаическом сборнике Я. Борщевского «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апаваданнях», а также Беларусь в образе невесты в поэме Я. Купалы «Безназоўнае».

Как правило, мы можем понять, кем является персонаж, не только по его наименованию, но и по внешнему облику, действиям и т. п. Но в современных литературных произведениях многие из классических представлений об определенных образах вовсе уходят либо значительно трансформируются. В результате наименование становится единственным верным свидетельством того, кем является персонаж. Более того, именно оно удерживает персонаж в рамках «нелюдей». В качестве примера стоит назвать образ молодой Бабы-яги (А. Аливердиев «У Лукоморья», Т. Коростышевская «Внучка бабы Яги») и молодого Кощея Бессмертного (Е. Никитина «А что вы хотели от Бабы-яги», О. Громыко «О бедном Кощее замолвите слово»). Единственное сверхъестественное качество, которым Баба-яга и Кощей Бессмертный обладают в этих произведениях, – умение колдовать. В отношении остального они – обычные люди. Как отмечает К. Королев, «ведьмы и колдуны – носители магии, сверхъестественной силы, но сами они при этом сверхъестественными существами не являются» [5, с. 484].

В сборнике рассказов современной белорусской писательницы Л. Рублевской «Старосветские мифы города Б*» каждая история – трансформация того или иного древнегреческого мифа, а герои представлены в облике современных мещан, полностью лишенных каких-либо сверхъестественных свойств. В итоге, помимо названия рассказа, которое указывает, трансформацией какого мифа он является («Артемида и Актеон», «Нарцисс и Эхо»), а также краткого пересказа мифа перед каждой историей, ничего не указывает, что данные персонажи можно рассматривать как антропоморфизированных героев взятых мифов. По этой причине, с нашей точки зрения, правильнее было бы отнести их к условно-авторским антропоморфным персонажам.

Зооморфные имена существ, относящихся, согласно нашей авторской концепции, к биморфам (существам, обладающим способностью поочередно принимать два облика (антропоморфный/зооморфный, каждый из которых является их неотъемлемой сущностью), указывают на то, что данные персонажи

не являются по своей сути людьми. Так, Белая Сорока в прозаическом сборнике Я. Борщевского «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях» предстает то в облике женщины, то белой птицы, царевна Лебедь в «Сказке о царе Салтане» А. Пушкина оборачивается то лебедью, то девой. В фантастическом романе О. Громыко «О бедном Кощее замолвите слово», Финист, Ворон Воронович – чародеи, превращающиеся при необходимости в птиц. В романе О. Силаевой «Драконье лето» и в романе О. Воскресенской «Великий ужас. Кровь драконов» изображены целые драконьи семьи, основная ипостась которых – человеческая.

Вывод. Наименование является одной из ключевых форм репрезентации антропоморфных образов-персонажей: оно может выступать 1) как средство антропоморфизации и 2) как маркер персонажа-нечеловека. Обе функции являются противоположно направленными, но одинаково необходимыми при создании подобных персонажей, поскольку для того, чтобы можно было говорить о самом факте антропоморфизации персонажа, он (персонаж) должен быть обязательно маркирован как существо, не являющееся человеком.

Библиографические ссылки

1. *Морозов И. А.* Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма). Москва: Индрик, 2011.
2. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. Москва: Наука, 1978.
3. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Москва: Гослитиздат, 1957. Т. 1.
4. *Толстой А.* Золотой ключик, или Приключения Буратино. Москва: Акварель: Команда А, 2012.
5. *Королев К.* Энциклопедия сверхъестественных существ. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007.